

Культурология в контексте национальной имплементации

М. И. Козьякова

Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина, Москва, Россия
markoz@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости отражения в образовательном процессе цивилизационного противостояния Запада и России. В данной ситуации противостояния всё более важная роль принадлежит национальному суверенитету, и потому актуальной становится задача формирование новой, патриотической парадигмы образовательного процесса. Российское образование традиционно включало в себя не только передачу знаний, но и выработку гражданских мировоззренческих позиций. Новые, важные задачи стоят в этом плане перед культурологией. Некоторые из них рассмотрены автором.

Ключевые слова: культурология, культура, цивилизация, противостояние, образование, ценности, национальный суверенитет, идентичность, история

Для цитирования: Козьякова М. И. Культурология в контексте национальной имплементации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып.12 (880). С. 159–166.

Original article

Cultural Studies in the Context of National Implementation

Mariya I. Kozyakova

Higher Theater School (Institute) named after M. S. Shchepkin, Moscow, Russia,
markoz@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problems of reflecting the civilizational confrontation between the West and Russia in the educational process. In this situation, an increasingly important role belongs to national sovereignty, and therefore the task of forming a new, patriotic paradigm of the educational process becomes urgent. Russian education has traditionally included not only the transfer of knowledge, but also the development of civic worldview positions. Culturology faces new, important tasks in this regard. Some of them are considered by the author.

Keywords: cultural studies, culture, civilization, confrontation, education, values, national sovereignty, identity, history

For citation: Kozyakova, M. I. Cultural Studies in the Context of National Implementation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 159–166.

ВВЕДЕНИЕ

Культура в своей максимально широкой трактовке всегда рассматривалась как глобальный феномен, в котором разворачивается история человечества. В этом модусе она обладает особой универсальностью, и потому в основу ее изучения неизбежно должны закладываться идеи системности, целостности, динамики. Они, естественно, находят свое последовательное проявление при рассмотрении различных сторон этого поистине бесконечного дискурса. Реалии природных и социальных явлений, с которыми сталкивается человек, осваиваются и перерабатываются им через культуру и ее инструменты, в том числе язык. При этом они становятся фактами истории культуры, нагружаются теми или иными ценностными коннотациями, обретают собственное существование в качестве норм и правил, традиций и обычаев.

Культурная семантика значений и оценок, смыслов и концептов, в частности национальная, сопровождает различные стороны человеческого бытия, становясь неотделимой от них. Приведем пример, обратившись для этого к так называемым вечным темам культуры, которые занимают в культурологической тематике особое место – это любовь и смерть, отношение к ним общества. В них биологическая природа человека проявляется эмпирически наглядно. Однако именно в этой узловой точке человеческого бытия культурологический контекст особенно показателен: так по отношению к смерти можно судить о жизни, о культурных реалиях эпохи.

Тема смерти всегда присутствует в жизни общества. Акт смерти, как и рождения, представляет собой один из важнейших элементов, конституирующих субстанциональность жизни. Моменты рождения и смерти детерминируют начало и конец индивидуального бытия, маркируют его границы. С развитием самосознания конечность человеческого бытия осмысливается как характерное свойство жизни. Обреченность человека, его телесная смертность требуют своего осознания и духовно-нравственного преодоления. Всё вышесказанное относится к общей, достаточно абстрактной характеристике феномена. Далее культурологическое исследование неизменно должно обратиться к исторической конкретике.

Смерть создает вокруг себя культурное пространство – ритуалы, обычаи, символы, верования, которые на языке культуры знаменуют собой финал, окончание, развязку. Составляя один из коренных «параметров» общественного сознания, отношение к смерти – «своего рода эталон, индикатор характера цивилизации». В истории

зачастую именно «смерть была великим компонентом культуры, «экраном», на котором проецировались все жизненные ценности» [Гуревич, 1992]. Семантика этого феномена не всегда являлась четко сформулированной, осознанной. Наоборот, проблема восприятия человеком смерти – одна из плохо верифицируемых проблем социально-психологической сферы. Но это пласт коллективного сознания, позволяющий уловить чувства, эмоции, не всегда выраженные вербальным языком.

Отношение к смерти, характерное для данного общества, не остается неизменным на протяжении длительного времени. Оно исторично, изменяется вместе с эволюцией самого общества, с динамикой его социокультурной среды. Смерть в истории, смерть как проблема исторической антропологии всегда вызывала пристальный интерес культурологов. В культурологических работах Ф. Арьеса, М. Вовеля, А. Тененти, ставших уже классическими, исследуются установки общества перед лицом смерти в их эволюционном изменении, в совокупности тенденций социального, духовного, демографического, экономического развития. И здесь, естественно, важнейшее место занимает историческая, национальная специфика.

Исследуя общие черты и закономерности, культурология неизменно отмечает отдельные черты, особенности национальных культурных паттернов. Наука о культуре в этом плане достаточно «заземлена»: она не может далеко отрываться от своего имманентного объекта, коим являются практики человеческого рода, взятые во всем своем многообразии, и потому, несмотря на свой интегративный потенциал, она будет «распределена» между различными областями и сферами. Практики чрезвычайно разнообразны: мир повседневности с его многочисленными занятиями, специализированная деятельность, соотносимая с различными сегментами – это политика, бизнес, управление, народное хозяйство с его отраслями, духовные практики, науки и многое другое. Для них для всех будет характерна национальная специфика, онтологизированная в том или ином объеме, выраженная в том или ином аспекте.

Вопрос, который может быть в этой связи поставлен, касается соотнесенности исторической событийности и культуры, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Как, когда, в какой степени историческая событийность, в том числе политика, идеология влияют на культуру, видоизменяя и трансформируя ее? И как совместить объективную реальность науки с политической конъюнктурой, связать ее с потребностями образовательного процесса?

Для прояснения этих взаимосвязей обратимся к вопросам преподавания культурологии, связанным с современной международной и внутренней проблематикой.

ВОЗМОЖНА ЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ?

Прошло уже 20 лет с того времени, как 19 сентября 2003 года Россия присоединилась к Болонскому процессу в Берлине во время саммита европейских министров образования. Целью Болонской системы было создание общеевропейского образовательного пространства, на котором должны были быть унифицированы национальные образовательные системы, сформировав единую модель первоначально для стран, входящих в Общий рынок. Для нас это присоединение означало переход на западные стандарты обучения. Национальный суверенитет, однако, невозможен без духовного, идейного суверенитета, сохранения исторической памяти и традиций. Проблемы национального суверенитета не стояли на первом месте для элит западного мира, более всего стремящихся к решению объединительных задач, эти проблемы не были актуализированы в то время и для нас. Прошло два десятилетия и время показало тщетность некогда существовавших надежд на «единую Европу», на единое европейское пространство «от Лиссабона до Урала».

Необходимо подчеркнуть, что в России образование всегда рассматривалось не просто как передача определенного объема знаний, а как процесс духовно-нравственного воспитания, направленного на выработку у обучающегося гражданских мировоззренческих позиций, воспитание духовных ценностных ориентиров. Ныне, однако, наша система образования, национальная и государственная по форме, оказалась лишённой своего суверенитета, поскольку образовательные стандарты, а также программы и методы обучения в предыдущие десятилетия во многом задавались извне.

Начиная с 90-х годов традиционная отечественная система ценностей заменялась западной под прикрытием очень привлекательных лозунгов демократии, свободы и толерантности. Российскую школу, среднюю и высшую, адаптировали к нуждам глобального информационного общества, переводя на западную систему ценностей. Навязывая концепцию «глобального гражданина» и «нового человека», национальное образование втягивалось в сферу интересов транснационального бизнеса. Запад выделял огромные средства, чтобы заменить наши учебники по истории, культурологии, другим гуманитарным дисциплинам,

напечатать их в изобилии. В учебниках, профинансированных Соросом, другими западными спонсорами, были расставлены иные акценты, дана иная, не отечественная интерпретация исторических событий. Упор делался на замалчивании достижений нашего народа, на преувеличение негативных моментов истории, описывая их как исключительно российскую модель. Затем был сокращен объем времени на изучение русского языка и литературы, а также изменен и урезан список классических отечественных литературных произведений, обязательных для изучения.

Следует отметить, что забвение своей истории, моральное, идеологическое разложение общества как раз отвечало бы интересам наших западных оппонентов, поскольку цивилизационный конфликт Запада и России неумолимо приобретает всё более масштабные и ожесточенные формы, переходя в экзистенциальное, так называемое горячее противостояние. Общество консолидируется, предпринимая необходимые действия, соответствующие серьезности ситуации, явственно проявляя характеристики зрелого гражданского сознания. Это патриотический настрой, выражающийся в разных аспектах поддержки СВО, постоянный диалог власти и общества, приобретающий новые качества.

Ситуация изменилась и в этой связи встает вопрос о необходимости объяснения данного цивилизационного противостояния, его надлежащего отражения в образовательном процессе. Можно отметить, что сегодня, как никогда, находит свое подтверждение максима: «Хочешь победить своего врага – воспитай его детей». Будучи то ли восточной мудростью, то ли принципом, сформулированным в лоне ордена иезуитов в XVI веке, она крайне актуальна в настоящее время. Вопрос в том, кто и на каком историческом материале учит молодые поколения россиян? Речь в данных обстоятельствах должна идти о концептуализации в образовательном процессе национальной идеологии культурно-исторической общности Русского мира, о сохранении исторической правды и памяти о роли России в мировой истории.

В стремительно деградирующей Западной Европе всё более очевидным становится тот «закат», который был некогда предсказан О. Шпенглером в его широко известной работе «Закат Европы». Она неотвратимо приближается к своему естественному концу: речь не идет, конечно, о ее субстанциональном исчезновении, но о прекращении той благополучной, сытой и спокойной жизни, благодаря которой в глазах жителей других континентов Европа обладала особой притягательной силой, была окружена неким ореолом

исключительности. Америка, в лице Соединенных Штатов, «огнем и мечом» насаждающая по всему миру собственную систему «демократических» ценностей, третирующая весь остальной мир, также не может трактоваться как статусный ориентир.

Безусловным приоритетом в этой ситуации будет обладать Русский мир, сохраняющий свою историческую и культурную специфику. Ему, по видимому, можно предсказать блестящую перспективу, учитывая архетипические черты россиян. Апология державности, сакрализация власти, пиетет к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса – все эти аспекты можно отнести к секулярной характеристике национального менталитета. Аспекты, определившие лицо русской культуры, противопоставили модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности. Приверженность традиционным ценностям, оставаясь неизменной на протяжении столетий, обеспечивала жизнестойкость и уникальность русской культуры. Именно этим, а также полиэтничностью генофонда, природными богатствами и мощью исторического основания можно объяснить ее феноменальные способности к возрождению. Россия развивается, хотя дважды на протяжении прошедшего столетия государство разрушалось и воссоздавалось заново.

Итак, необходимо говорить о новом наполнении учебных программ, о новой парадигме образовательного процесса, в первую очередь патриотической. Конечно, речь здесь должна идти главным образом о гуманитарных дисциплинах, но не только о них, потому что и в преподавании естественных, технических специальностей можно акцентировать большой вклад наших ученых, изобретателей, первооткрывателей. Важно, чтобы студенты, школьники знали, что, какие открытия, изобретения Россия подарила миру. Необходимо увеличение количества часов, привлечение в курс изобразительного ряда, использование богатейшей российской, советской фильмотеки – фильмов или отрывков из различных исторических произведений, к примеру, классических программных произведений «Андрей Рублев», «Война и мир» и др. Но просто передача информации, изложение событийной канвы истории далеко не достаточно, необходима ее специфическая, умная и грамотная культурологическая трактовка, акцентирование национальной самобытности, создание предпосылок для ее актуализации.

В контексте гуманитарного образования естественным образом возникает вопрос о дисциплине, наиболее полно и емко воплощающей

культурологический синтез различных гуманитарных наук. Системообразующая роль принадлежит здесь культурологии, поскольку именно она интегрирует данные различных гуманитарных наук, разрабатывая на этой основе единую концепцию культуры. Именно она может стать междисциплинарной основой любого типа и направления высшего образования. Культурология также способна взять на себя основную нагрузку по выработке у студента мировоззренческих позиций, воспитанию ценностных ориентиров.

Рассматривая особенности национальной идентичности, культурология подарит возможность соприкоснуться с пластами нетленной культуры, снабдит выпускника вуза духовным противоядием от нигилизма и культурного одичания, предохранит от превращения в «одномерного» человека (Г. Маркузе). Она даст точку гражданского отсчета и системность, стереоскопичность видения мира. Максима, приписываемая Отто фон Бисмарку, что «войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники», актуальна для системы образования XXI века, поскольку в ней речь идет о духовном и нравственном потенциале общества. Прибавим только, что наряду со школьными учителями надо упомянуть и вузовских преподавателей.

Можно много и долго перечислять те обстоятельства, имена и события, которые являлись ключевыми, значимыми для понимания нашего исторического пути, на которые в курсах истории, культурологии просто не хватило времени, урезанных с целью «оптимизации» учебного процесса. Многие из них не нашли должного отражения в современных программах, иные были просто исключены по конъюнктурным или политическим основаниям, поскольку препятствовали препарированию учебных курсов в духе либерализации. Конечно, здесь не ставится вопрос о необходимости возвращения к советским образовательным стандартам, об изучении истории в марксистско-ленинском духе.

Приведем несколько примеров, как представляется, имеющих далеко не проходной характер. Русь в вузовских курсах изучают с IX века, с 862 года. При этом констатируется, что столицей Древней Руси являлся исключительно Киев, сплошь и рядом «забывая» о втором столичном городе – стольном граде Новгороде – крупнейшем по численности населения европейском городе того времени, игравшем важнейшую роль в северной Ганзейской торговле и торговле с Востоком. По своей масштабности и древности феномен является исключительным: на этой территории археологи докопались чуть ли не до палеолитических

стоянок.¹ Его уникальность как второго столичного центра – пример полицентризма, одного из доминантных факторов русской культуры. В исторической энциклопедии советских времен, однако, Новгород скромно характеризуется как всего лишь «один из самых древних русских городов», при этом внимание акцентируется на «засилье церковных и светских феодалов», на восстаниях посадских людей [Советская историческая энциклопедия, 1967, С. 263].

Другой контрапункт – монголо-татарское иго. Никак нельзя замалчивать или нивелировать, преуменьшать значимость ига как времени разорения и бедствий страны, случившихся в период феодальной раздробленности, точнее сказать – вследствие этой самой раздробленности, разобщенности русских земель, отсутствия сильной централизованной власти. В результате нашествия Русь, именовавшаяся скандинавами Гардарикой (страна городов), из страны городов, самой передовой в Европе того времени, превратилась в страну деревень. Плодороднейшие черноземные земли превращены были в дикое поле в результате гибели, увода в плен, массового оттока населения. Об этом писали такие важные для изучения истории нашей страны фигуры, как историки В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, но в современных учебниках вряд ли можно найти подробное изложение этих обстоятельств.

Переходя к Новому времени, к реформам Петра I, при всех дифирамбах государю, «прорубившему» окно в Европу, ликвидировавшему, например, «теремной быт», т. е. затворничество женщин из привилегированных слоев, нельзя не отметить фатальный негатив многих новаций. Из-за границы для ассамблей были импортированы далеко не лучшие образцы обихода, но нравы голландского кабака с его простотой и грубостью поведения, чрезмерной выпивкой и курением, прочими атрибутами трактирного разгула [Козьякова, 2016]. Им же был дан старт максимальному обособлению господствующего класса от всех других сословий через внедрение иностранного языка, сначала немецкого и голландского, потом, при Елизавете Петровне, французского. В будущем это заложит на два столетия супрематия французских мод, обычаев, манер, будет провоцировать космополитизм элиты, ее ориентацию на западные стандарты.

Можно не задавать риторический вопрос, знают ли наши абитуриенты и студенты имя Потёмкина, ведь в исторической энциклопедии подчеркивался его фаворитизм, его тщеславие, стремление к обогащению, что он «мешал» Суворову и данная характеристика затмевала все его реальные достижения

[Советская историческая энциклопедия, 1968, С. 474]. Имя этой исторической фигуры, которой мы во многом обязаны обретением фактически «отбитой» у Турции земли Малороссии, оказалось незаслуженно забытым. Можно понять, что в период советской России вплоть до самых напряженных периодов Великой Отечественной войны не вспоминали имена прославленных военачальников царской России, таких как Суворов, Нахимов и др., но совершенно непонятна современная ситуация. Потёмкину, герою-военачальнику, практически не знавшему поражений, создавшему буквально с нуля российский черноморский флот, до сих пор не поставлен памятник.

Что известно о нем молодому поколению, кроме пресловутых, созданных отнюдь не нашими доброжелателями мифов о «потёмкинских деревнях» [Панченко, 2000]? А ведь Потёмкин, кроме военных побед, был основателем городов Херсона, Севастополя, Николаева, Екатеринослава. Он был покровителем Суворова и фактически создал тот новый тип отношений командиров и солдат, включавший в себя бережное отношение к солдату, который мы потом назвали суворовским и который является уникальным цивилизационным опытом. Отметим, что не только в истории, но и в культурологии уделяется внимание римской цивилизации и ее колоссальным завоеваниям, что было обеспечено особым типом организации войска, подготовки и ведения военных кампаний. Но вот уникальный нарратив русской армии, позволявший одерживать блистательные победы, в культурологии отражен весьма слабо.

Практически ничего не известно про битву при Молодях – первое крупное поражение за всю историю Османской империи, нанесенное непобедимой до того армии султана Сулеймана Великолепного. Османская империя к тому времени, покорив большую часть средиземноморских земель, захватив территории от Ирана почти до центра Европы, подошла к Венеции и осадила Вену. В 1572 году султан решил покорить и «дикую» Московию, завоевавшую к тому времени Казанское и Астраханское ханства и оказавшуюся неожиданно соседкой Блистательной Порты. Из Крыма на север двинулось многотысячное войско, костяк которого составляли отборные профессиональные отряды янычар. Возле деревеньки Молоди им преградили дорогу полки князя Михаила Воротынского, стоявшие насмерть – за ними, в нескольких часах ходу, была Москва.

В неравном бою крымско-османское войско, в несколько раз превосходившее силы русских, было полностью разгромлено. Защитники Москвы вырезали всех янычар и османских мурз, заранее

¹ Золин П. Палеолит Приильменья...

деливших еще не покоренные русские княжества. Это было первое крупное поражение за всю историю Османской империи. Потеряв на русских границах отборные полки янычар и почти всё крымское войско, блистательная Порты и крымский хан вынуждены были отказаться от надежд завоевать Россию. «Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы», – сказал о дне битвы Н. М. Карамзин¹. Стоять насмерть, защищая Москву, сердце России – историческая традиция, которая также должна акцентироваться в курсе культурологии.

Сравнительный цивилизационный анализ, к примеру, Английской и Российской империй поможет понять своеобразие последней, никогда не грабившей своих колоний, поскольку их у нее не было. Сравнение будет особенно наглядно, если проиллюстрировать тему, прояснив, как по разному относился центр к своей периферии. Показательно, как за счет грабежа своих колоний обогатилась метрополия, вывозившая все ценности, до которых англичане физически могли добраться, вплоть до позолоты с потолка дворцов. Ободранные «цивилизированными» господами колонизаторами дворцы до их пор стоят неотреставрированными.

Интерес в плане опровержения распространяемых Западом инсинуаций о якобы «агрессии» и «захвате» чужих территорий нашей страной представляет история вхождения в состав Российской империи различных субъектов, которые в дальнейшем, по большевицкому принципу национального деления СССР, получили статус республик. В наше время, уже после распада СССР они были провокационно объявлены «захваченными», «оккупированными». Как пример можно привести Грузию, зажатую между крупными исламскими государствами Ираном и Турцией. Прежде чем она была принята в состав Российской империи, она несколько раз просила об этом в виду внешней угрозы и несколько раз ей отказывали, поскольку это автоматически влекло бы за собой необходимость ее военной защиты.

Современные идеологи маленьких прибалтийских государств, третируя своих сограждан, говорящих на русском языке, почему-то умалчивают об истребленных Тевтонским орденом исконно обитавших на берегах Балтики балтийских славянах, остатки которых были онемечены и смешались с этническими группами эстов, ливов и др. Концепция «Drang nach Osten» («Натиск на Восток») – фашистский лозунг и одновременно ключевой элемент нацистской идеологии – тоже была

заимствована у Тевтонского ордена времен его средневековых походов в Прибалтику. Славяне были истреблены в ходе немецкой агрессии наряду с долго сопротивлявшимися пруссами, от этноса которых осталось только имя, превратившееся в синоним германского милитаризма – Пруссия. Как и ононим *татары*, оно было легитимизировано другими историческими акторами.

Складывается впечатление, что наши учебники во многом исходят из некоего довольно странного принципа: весь негатив в нашей истории является правдой, весь позитив – пропагандистский штамп. Возникает вопрос: а кто вообще писал наши учебники по гуманитарным дисциплинам, почему они составлены по западным лекалам? Военных побед или не было вовсе (как это и произошло в случае с «неизвестной» битвой при Молодях), или же они были незначительными, случайными, а их последствия обязательно негативными (так, победитель Наполеона Александр I тут же превратился в жандарма Европы).

Всё, что было изобретено предками, якобы было либо принесено к нам из Европы, как это произошло с паровой машиной, электрической лампочкой или радио, либо просто беспочвенный миф. Никаких открытий русские не делали, хотя, например, первый электрический свет, заливавший столицы европейских государств, имел название «русского света». Они никого не спасали и не освобождали, а если всё-таки подобное случалось, то заканчивалось пленом и рабством.

Нам следует посыпать голову пеплом и каяться, поскольку история наша кровавая, а правители сплошь тираны, как это и произошло, например, с Иваном Грозным. Следовательно, «цивилизированный мир» имеет право на отмену русской культуры, на войну и уничтожение русских – это не терроризм, это стремление к свободе и демократии. А удел всех русских – каяться. Кстати, призыва к покаянию нет ни в американской, ни в англосаксонской истории, при том, что американцы уничтожали племена индейцев, загнав последних выживших в резервацию, а англосаксы обладали самой большой в мире колониальной империей. При этом не полагается вспоминать такие периоды в истории Англии, как эпоху правления королевы Марии, прозванной в истории кровавой, или же описанную Шекспиром череду преступлений в Войне Алой и Белой розы, в результате которой была практически уничтожена почти вся английская знать.

Примеры исторических умолчаний, подмен и фальсификаций можно перечислять и далее, но есть один важный аспект. Представляется, что не менее, а может быть, и более важную роль, чем

¹Забятая великая победа. Сражение, спасшее государство: битва при Молодях. URL: <https://mmk-rnd.ru/upload/mmk/1/29.pdf>

история, может сыграть в решении этих задач культурология. Кому, как не ей, надлежит находить и исследовать специфические черты отдельных культур, анализировать их эволюцию, давать сравнительную характеристику различных цивилизаций.

В этой связи хочется обратиться к Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) В ней впервые определено особое положение России как самобытного государства-цивилизации¹. Необходимо приветствовать это решение, ведь в течение почти 20 лет на разных гуманитарных конференциях в выступлениях многих ученых звучали подобные утверждения. Приводились доказательства, рассматривались исторические факты. Но ранее эти голоса не слышали, наша официальная позиция неизменно сводилась к тому, что мы – часть европейской культуры, у нас единая европейская цивилизация и, естественно, отсюда вытекали и многие практические последствия. Например, постулаты о необходимости следования в русле общеевропейского курса, о максимально широком участии во всевозможных, даже недружественных к нам европейских организациях, о нашем едином европейском доме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недальновидная ориентация на Запад, внедрение отдельных образцов атлантической цивилизации шло вразрез с культурными паттернами и национальными интересами российского социума. На протяжении длительного времени к мнению

¹Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

сообщества ученых официальные органы не считали нужным прислушаться, как не прислушалась в свое время к дружному хору ведущих специалистов, протестовавших против механического введения Болонской системы. Но теперь положение дел коренным образом изменилось: ситуация бесконечно терпеливого адаптирования, приспособления к неким, не отвечающим нашим интересам стандартам, наконец, разрешилась.

События последнего времени ставят на повестку дня вопрос о традиционных ценностях, о защите в первую очередь национального суверенитета, позволяя тем самым обеспечить развитие национальной культуры и творчества. И потому жизненно важно «выращивание» не очередного космополитически ориентированного поколения, но патриотически ориентированной элиты, и воспитать ее возможно не на фантомах постмодернистской рефлексии, но на исторической преемственности национального культурного кода. Необходимость подобной работы определяется ее актуализацией в современных условиях, так как национальная идея есть формула суверенного существования российского государства.

Обеспечить связь политики, идеологии с комплексом гуманитарных наук, с трактовкой отечественной истории – дело актуальное и сложное. Не менее, а, может быть, более важную роль, чем история, должна сыграть в решении этих задач культурология, поскольку пространство культуры будет обязательно локализовано в национальных, этнических формах, иметь региональную специфику. Именно культурологии надлежит находить и исследовать специфические черты отдельных культур, анализировать их эволюцию, давать сравнительную характеристику различных цивилизаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуревич А. Я. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина ; общ. ред. С. В. Оболенской ; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992.
2. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 10–11. М.: Советская энциклопедия, 1967–1968.
3. Козьякова М. И. Исторический этикет. Изд. 2-е. М.: Согласие. 2016.
4. Панченко А. М. О русской культуре и истории. СПб.: Азбука, 2000.

REFERENCES

1. Gurevich, A. Ya. (1992). Filipp Ar`es: smert` kak problema istoricheskoy antropologii = Philippe Ariès: Death as a problem in historical anthropology. Ar`es F. Chelovek pered liczom smerti. Perevod s francuzskogo Ronina V. K. Obshh. red. Obolenskoj S. V. Predisl. Gurevicha A.Ya. Moscow: Progress-Akademiya. (In Russ.)

2. Zhukov, E. M. (ed.). (1967–1968). Sovetskaya istoricheskaya e`nciklopediya = Soviet Historical Encyclopaedia (vols. 10–11). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
3. Koz`yakova, M. I. (2016). Istoricheskij e`tiket = Historical etiquette. 2nd ed. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
4. Panchenko, A. M. (2000). O russoj kul`ture i istorii = On Russian culture and history. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Мария Ивановна

доктор философских наук, кандидат экономических наук
профессор кафедры философии и культурологии
Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozyakova Maria Ivanovna

Doctor of Philosophy, Candidate of Economic Sciences
Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Higher Theater School (Institute) named after M. S. Shchepkin

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	11.09.2023	
принята к публикации	18.10.2023	